

Е. О. Борисова

ОТЭТНОНИМИЧЕСКИЕ ПРОЗВИЩА В ГОВОРАХ РУССКОГО СЕВЕРА*

doi:10.30759/1728-9718-2024-2(83)-34-42

УДК 81'373.235:39 ББК 63.5(235.1)+81.4

В статье анализируются индивидуальные прозвища, образованные от этнонимов — названий народов и этнических общностей. Статья основана на материалах Топонимической экспедиции, собранных на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей; большая часть лексических фактов впервые вводится в научный оборот. Регион, именуемый Русским Севером, является полиэтничным, поэтому особое внимание в статье уделяется отражению этнического состава территории в прозвищной антропонимии. Выделяются этнонимы, использующиеся в качестве индивидуальных прозвищ (названия коренных народов Русского Севера: *чудь* (*чухна*, *чухарь*), *зырь* (*зыряне*), *лопь* (*лопари*), *черемисы*, *корела*, а также *кайваны*; народов, преимущественно проживающих на отдаленных от Русского Севера территориях: китайцев, японцев, немцев, белорусов, татар, греков и др.). Отдельно рассматриваются коннотативно нагруженные этнонимы — цыгане и евреи (*жиды*). Анализируются мотивационные модели, реализующиеся в отэтнонимических прозвищах, с опорой на приведенные информантами причины наделения человека конкретным прозвищем (этническая принадлежность, контакты с представителем «чужого» этноса, участие в вооруженных конфликтах, особенности характера и т. д.). Обсуждается роль этнических стереотипов в прозвищной антропонимии. В заключение высказываются предположения о частотности ряда антропонимов в прозвищной номинации, выделяются наиболее продуктивные модели образования отэтнонимических прозвищ. Также рассматриваются возможные причины формирования этнического разнообразия антропонимов (всего в качестве индивидуальных прозвищ используется более 30 этнонимов).

Ключевые слова: *антропонимия, севернорусские говоры, прозвища, этноним, этнический стереотип, Русский Север*

Топонимическая экспедиция Уральского федерального университета более 60 лет проводит работу по сбору нарицательной диалектной лексики и различных разрядов ономастики на территории Русского Севера, прежде всего — Архангельской, Вологодской и Костромской областей. За это время было собрано около 20 тысяч индивидуальных прозвищ, большая часть которых в данный момент не введена в научный оборот. Наша статья полностью основана на материалах антропонимических картотек Топонимической экспедиции, поэтому для упрощения подачи антропонимов мы будем приводить их без папортизирующих ссылок, только с указанием территории — области и района, в отдельных случаях — конкретного населенного пункта.¹

¹ АК ТЭ — Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, об-

Борисова Елизавета Олеговна — к.филол.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: jborisowa@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России» (рук. Е. Л. Безрезович)

Прозвища представляют собой особый вид онимов,² поскольку являются вторичными по отношению к личным именам и выполняют, помимо номинативной, характеризующую функцию. Другими словами, прозвище выделяет своего обладателя среди других членов социума на основании его индивидуально-личностных свойств.

Для деревенского микросоциума одним из самых важных признаков, закрепляющихся в прозвищах, является происхождение человека или наличие у него отношений с представителями другого народа или жителями другой местности. Вследствие этого большое количество прозвищ образуется от топонимов, катойконимов и этнонимов, например, волог. (кир.) *Одесса*: «Человек родом из Одессы поселился в наших местах, потому и Одесса», волог. (вожег.) *Сибирячка*: «Долго жила в Сибири» и костр. (парф.) *Мишка Чеченец*: «Он чеченец был, так и звали Мишка Чеченец».

щего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, г. Екатеринбург).

² См.: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 46.

Наша статья будет посвящена индивидуальным прозвищам, образованным от этнонимов. Несмотря на то что этноним в роли прозвища не всегда маркирует этническую принадлежность своего обладателя (ср., например, волог. *Китаец* ‘прозвище жителя д. Шелково’: «Служил в Китае, Китаецем звали»; подробно о мотивации прозвищ с этно-основами будет сказано ниже), нам представляется важным отметить некоторые особенности формирования этнического состава Русского Севера.

Как известно, «европейский Север никогда не был сугубо “русским”, а был и остается полиэтничным регионом, который является исторической родиной для карел, саамов, вепсов, ненцев, коми».³ Первые русские поселения появились уже в начале XII в.; колонизация проходила в основном мирным путем, однако «славяне, пришедшие на Север, изначально оценивали себя как доминантную культурную группу, а свое окружение воспринимали как культурную периферию».⁴ И в настоящее время русское население значительно преобладает на всей территории Русского Севера,⁵ однако проживает в окружении народов финно-угорского происхождения. Кроме того, Русский Север традиционно был местом высылки осужденных, а в XX в. также становится одним из направлений — хотя и не основным — принудительного переселения народов в ходе этнических депортаций. Например, Архангельская и Вологодская области перечисляются в числе мест размещения спецпереселенцев в «Положении о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР».⁶

Прозвищная антропонимия Русского Севера также демонстрирует значительное «этническое разнообразие». Всего фиксируется около 200 этнонимических индивидуальных прозвищ, мотивированных названиями примерно 30⁷ этнических общностей. Опишем в первую очередь, какие именно этносы попадают в поле внимания носителей говора и используются в роли прозвищных антропонимов.

Этнонимы, зафиксированные в прозвищной антропонимии Русского Севера

Этнонимы, которые становятся индивидуальными прозвищами, могут быть (конечно, с определенной долей условности) разделены на несколько групп на основании места проживания обозначенного этноса, потенциальной интенсивности контактов с русским населением Русского Севера и, как следствие, возможных номинативных моделей, реализующихся в прозвищной антропонимии. С этой позиции выделяются: 1) наименования этносов, которые в течение длительного времени являются непосредственными соседями на территории Русского Севера: народы финно-угорского происхождения, русское население, осознаваемое как отдельная этническая общность (как, например, поморы⁸); 2) наименования этносов, по большей части проживающих на отдаленных от Русского Севера территориях; 3) наименования этносов, за которыми закрепилось представление «народа без государства», проживающего повсеместно. Рассмотрим все названные группы.

1. При выборе «этнических имен финно-угорских народов»,⁹ которые могут стать основой прозвищных антропонимов, мы ориентировались на работу Э. Ю. Поповой «Этнонимия Русского Севера».¹⁰ Она отмечает, что «современные названия народов, обитавших и обитающих на севере европейской части России, — это *карелы, вепсы, саамы, коми, ненцы*», однако «современные этнонимы в говорах и ономастике Русского Севера представлены крайне редко».¹¹ При этом «на Русском Севере зафиксированы следующие этнические имена: *чудь (чухна, чухарь), меря, зырь (зыряне), лопь (лопари), самоеды, черемисы, корела*. Кроме того, зафиксирован этноним... *кайваны (кайбаны)* в значении ‘вепсы’».¹² Как правило, именно диалектные этнонимы используются в качестве прозвищных антропонимов.

Зафиксированные прозвища приводятся нами по следующей схеме: литературный вариант этнонима, если соответствие между диалектным этнонимом и этносом установлено

³ Шабает Ю. П. «Русский Север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 3 (3). С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ См.: Там же. С. 76.

⁶ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 12.

⁷ Число дается приблизительно, поскольку не во всех случаях возможна однозначная идентификация этноса.

⁸ См.: Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21, № 4. С. 137.

⁹ Попова Э. Ю. Этнонимия Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. С. 78.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 47.

с высокой степенью вероятности; далее прозвища, мотивированные названиями данного народа, с указанием района фиксации; если одинаковые прозвища фиксируются несколько раз, мы будем отмечать количество номинаций.

Среди народов финно-угорского происхождения, населяющих Русский Север в данный момент, в прозвищной антропонимии встречаются:

– зыряне: *Зы́ря* — 3 раза (арх. (краснобор.), волог. (бабуш., чаг.)); *Зыря́нка* — 2 раза (волог. (сок.), арх. (лен.)); арх. (уст.) *Зырь*; волог. (великоуст.) *Зыря́к*; арх. (котл.) *Зыря́на*;

– вепсы: *Чуха́рь*¹³ — 2 раза (арх. (котл., леш.)); арх. (прим.) *Кайва́н*;¹⁴

– карелы: арх. (котл.) *Карелка*.¹⁵

Отмечены также арх. (уст.) *Черемй́с* (Черёма) (вероятнее всего, марийцы¹⁶) и арх. (вель.) *Лопарь* (лопъ, лопарь — внешний этноним самов, однако в современных говорах может использоваться в значении ‘самоед’¹⁷).

Названные этнонимы финно-угорских народов демонстрируют высокую диффузность значения. В функции прозвища они акцентируют признак «чужой, нерусский» и могут употребляться как пейоративное наименование человека иной этнической принадлежности, ср.: арх. (вельск.) *Чухна́* (*Чухонка*). «Один из жителей д. Березник в Первую мировую войну, оказавшись в плену в Финляндии, взял в жены финку и привез ее в родную деревню. Его односельчане прозвали ее чухной (или чухонкой), т. к. та очень плохо владела русским языком».

Описанная особенность употребления диалектных этнонимов по отношению к народам финно-угорского происхождения подтверждается словами Е. Л. Березович, которая отмечает, что «наивным понятиям», стоящим за этнонимами, в целом «свойственна высокая степень диффузности: название одного народа легко переходит на другие — близкие по антропологическим, языковым, социальным признакам или же проживающие на соседней территории. При этом происходит генерализация семантики или же заместительный сдвиг».¹⁸

В целом прозвищ, мотивированных наименованиями народов финно-угорского про-

исхождения, немного. Однако важно, что индивидуальное прозвище выполняет прежде всего идентифицирующую функцию, выделяя своего обладателя среди других членов социума, поэтому вероятность возникновения индивидуального отэтнонимического прозвища по соседству с анклавами расселения финно-угорских народов, которые остаются значительными на Русском Севере,¹⁹ невысока. Например, в Устьянском районе Архангельской области Э. Ю. Попова отмечает шесть деревень, получивших коллективное прозвище *Зырь* или *Зыря* (д. Аничкино, д. Сабурово, д. Грунцовская, д. Наволок, д. Кузоверская и куст д. Березник, Бородинская, Тарасовская), а индивидуальное прозвище *Зырь* в этом же районе зафиксировано только один раз (в д. Шаткурга). Можно предположить, что его получает человек, проживающий в окружении русского населения.²⁰

По этой же причине прозвищные антропонимы, за очень редким исключением, не образуются от этнонима «русский». «Русские являются крупнейшей этнической группой во всех регионах европейского Севера: в Архангельской и Вологодской областях их доля, согласно данным переписи населения 2002 г., превышает 90 %, а в других она почти повсеместно растет».²¹

«Этническое большинство» появляется дважды, и оба прозвища являются результатом иронического осмысления действительности: арх. (вил., д. Маурино) «Его звали Собашников Степан Степанович, он говорит: “Ой, имя у меня какое, еще “русский” прибавить, будет СССР”. Ну и прозвали Степка Русский»; арх. (вил., д. Борок) «Он в лесу вальщиком работал, занял первое место в конкурсе вальщиков. Ему титул дали “Советский вальщик”, а потом “вальщик” отбросили, стали его Советским звать». При этом прозвища *Русский* и *Советский* зафиксированы в соседних сельсоветах, а потому можно предположить, что они возникли и функционировали под влиянием друг друга, образуя антропонимическую микросистему.²²

¹³ См.: Шабаев Ю. П. Указ. соч. С. 77.

²⁰ Отметим также, что отэтнонимические образования, по мнению Е. Л. Березович, «более популярны среди коллективно-территориальных прозвищ — и это вполне объяснимо, поскольку объект номинации в данном случае выбирается не из своего социума, а из соседнего», что соответствует оппозиции «свой — чужой», см.: Березович Е. Л. Указ. соч. С. 125. Кроме того, во второй части статьи будет показано, что отэтнонимическое прозвище не всегда маркирует этническую принадлежность своего обладателя.

²¹ Шабаев Ю. П. Указ. соч. С. 76.

²² Подробнее о семантических микросистемах в прозвищах см.: Борисова Е. О. Семантические микросистемы в прозвищной антропонимии Русского Севера // Вестник Пермского

¹³ См.: Там же. С. 55.

¹⁴ См.: Там же. С. 56.

¹⁵ При этом Э. Ю. Попова отмечает, что местное население не всегда хорошо различает вепсов и карел. См.: Там же. С. 56.

¹⁶ См.: Там же. С. 26.

¹⁷ См.: Там же. С. 26, 59.

¹⁸ Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 118.

Отдельную этническую группу, отличную от «русских», представляют поморы, и это находит отражение в прозвищных антропонимах: арх. (верхнетоем.) *Васька Помóровец*, арх. (верхнетоем.) *Помор*, арх. (вин.) *Помориха*, волог. (верховаж.) *Поморка*. Также фиксируется волог. (ник.) *Шурка Каца́н* (*кацап* — этнофолизм, пейоративное обозначение русских другими этносами) — без пояснений информанта о причинах возникновения прозвища, при этом население д. Нигино, где живет его носитель, русское.

2. Следующая — и самая многочисленная — группа объединяет народы, которые исторически не являются соседями на Русском Севере.

Представляется целесообразным привести этнонимы по убыванию количества образованных от них прозвищ. Наиболее продуктивны в прозвищной антропонимии *турки* (зафиксировано 10 прозвищ, связанных с данным этнонимом) и *китайцы* (9):

– турки: костр. (шар.) *Иван Турок*, арх. (уст.) *Андрей Турка*, кир. (котел.) *Кузёвский турок*, *Турка* — 4 раза (арх. (лен.), волог. (сок. кичмен.), костр. (вохом.)), *Турок* — 2 раза (арх. (онеж.), костр. (окт.)), волог. (тот.) *Турчо́нок*;

– китайцы: прозвище *Китаец* фиксируется 7 раз (арх. (верхнетоем., лен., карг.), волог. (бабуш., ваш., кир., усть-кубин.)), арх. (лен.) *Коля Китаец*, волог. (ник.) *Кита́йка*.

Далее следуют этнонимы, называющие японцев (8 раз), немцев (7 раз с учетом образований от различных этнооснов: *немцы*, *германцы*, *фрицы*), украинцев (собственно *украинцы* и этнофолизм *хохлы* — всего 6 раз), *татары* и *финны* (по 4 раза), греки и эстонцы (по 3):

– японцы: костр. (пав.) *Ваня Японец*, волог. (ник.) *Васька Японец* и арх. (карг.) *Вася Япо́нец*; костр. (кадый.) *Панька Японка* (*Япо́ня*), *Японец* — 3 раза (арх. (верхнетоем., уст.), костр. (солигал.)), костр. (кадый.) *Японка*;

– немцы: арх. (вил.) *Ваня Немец*, волог. (кадый.) *Шура Немец*, арх. (лен.) *Толя Немец*, арх. (верхнетоем.) *Германка*, костр. (пыщ.) *Германка*, волог. (бабуш.) *Германовна*, арх. (онеж.) *Фриц*;

– украинцы: волог. (бабуш.) *Украинка*, костр. (макар.) *Хохлушка*, *Хохол* — 4 раза (арх. (верхнетоем., лен.), волог. (ник.), костр. (пыщ.));

– татары: *Татарин* — 3 раза (арх. (нянд.), волог. (тот.), костр. (галич.)), волог. (верховаж.) *Тата́ришина*;

– финны: волог. (ник.) *Паша Финн*, *Финн* — 3 раза (арх. (котл., прим.), костр. (вохом.));

– греки: костр. (кадый.) *Ваня-Грека*, арх. (лен.) *Васька Грек* ‘прозвище жителя д. Германовская’, киров. (дар.) *Грек*;

– эстонцы: костр. (пав.) *Саша Эстонка*, *Лиза Эстонка* (прозвище зафиксировано дважды в соседних Павинском и Вохомском районах, но, по-видимому, речь об одном человеке) и *Петя Эстонец*.

Остальные этнонимы встречаются точечно, один–два раза:

– американцы: арх. (холм.) *Американ*, волог. (кичмен.) *Мерика́н*;

– белорусы: костр. (солигалич.) *Беларуска*, арх. (котл.) *Белорус*;

– киргизы: *Киргиз* — 2 раза (костр. (кадый., окт.));

– кубинцы: костр. (буй.) *Кубинец* и *Кубинка*;

– французы: арх. (лен.) *Никола Француз*, арх. (прим.) *Французская ножка*;

– чеченцы: костр. (парф.) *Мишка Чеченец*, костр. (солигал.) *Чеченец*;

– чувашы: *Чуваш* — 2 раза (арх. (кон.), костр. (кологр.));

– грузины: волог. (ник.) *Грузин*;

– молдоване (Молдова): волог. (ник.) *Алёха Молдован*;

– поляки: костр. (парф.) *Полька-Курица*;

– тунгусы: костр. (пав.) *Тунгус*;

– чукчи: арх. (лен.) *Чукча*.

Отметим, что в некоторых случаях этноним формально совпадает с апеллятивной лексемой с другим значением,²³ которая также может мотивировать индивидуальное прозвище. Например, арх. (вил.) *Немец*: («Он выпьет, говорит — ничего не поймешь») и волог. (ник.) *Немец*: («Федька Немец тут был; маленький был, говорил невнятно: “Ну, говоришь, как немец!” — непонятно, не понимает никто тебя, вот и стал Немец. Всю жизнь Немцем звали») связаны с сохранившимися в северных говорах значениями ‘немой человек’ (арх.), ‘неясно, невнятно говорящий человек’ (волог.).²⁴

Так, наряду с четырьмя *хохлами* и одной *хохлушкой*, для которых с высокой вероятностью можно предположить этнонимическую мотивировку (ср. «Все Хохол зовут — с Украины так» и т. д.), отмечаются фиксации *Хохол*: «Волосы не расчесывал» (кир. (дар.)) — и *Хохлуша*: «Ходила-то все расхохлица, волосья

²³ Оба слова могут входить в одно этимолого-словообразовательное гнездо, однако обсуждение отношений производности между этнонимом и апеллятивной лексемой не входит в задачи нашей статьи.

²⁴ Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1986. Вып. 21. С. 78.

выпустит, прозвали так» (волог. (хар.)). Эти прозвища отсылают к апеллятивной лексеме «хохол (хохол)», но могут быть и результатом своеобразной языковой игры, если номинатор осознает оба значения и сознательно выбирает вариант прозвища, созвучный с этнонимом.

Не во всех случаях возможно однозначно установить основу прозвища, однако примеры, аналогичные приведенным, мы не включали в общую статистику. Кроме того, прозвище может быть образовано от вторичного значения этнонима. Наиболее явный случай возникновения прозвища не напрямую от этнонима, а от апеллятивной лексемы, представляющей собой его семантический дериват, иллюстрирует, например, арх. (вельск.) *Тальянец*: «Любил на тальянке играть».

Прозвища, основанные на вторичной семантике этнонимов, не рассматриваются нами в рамках данной статьи. Также мы не включали косвенные указания на национальную принадлежность, например, номинации по типичному для какого-либо народа имени — армяне: волог. (бабуш.) *Абрам*, костр. (судислав.) *Армен* и под.

3. Среди народов, за которыми закрепился образ «народа без государства», наибольшую продуктивность в прозвищной антропонимии демонстрируют цыгане: прозвище *Цыган* фиксируется 15 раз (арх. (лен., плес.), волог. (бабуш., великоуст., кадый., кир., макар., шексн.), костр. (вохом., меж., судислав.)), *Цыганка* — 2 раза (арх. (котл.), волог. (гряз.)); также отмечены арх. (вил.) *Цыганёнок*, волог. (ваш.) *Виктор Цыган*, волог. (баб.) *Федька Цыган*, арх. (вельск.) *Афонька Цыган*, волог. (великоуст.) *Иван Цыган*, волог. (великоуст.) *Семáха Цыган*, волог. (кичмен.) *Катя Цыганка*, костр. (вохом.) *Русская цыганка*, волог. (великоуст.) *Цыганчик*, костр. (буйск.) *Цыгань* (отец и сын), волог. (нюск.) *Цыганяша*, арх. (прим.) *Цыгунник*.

Евреи (жиды) по сравнению с *цыганами* менее распространены: 4 раза встречается прозвище *Еврей* (арх. (вил., вин.), кир. (халт.)), также фиксируются волог. (кичмен.) *Жид*, арх. (краснобор.) *Жидок*, арх. (карг.) *Евреева*.

Мотивационные особенности прозвищ, образованных от этнонимов

Прозвища представляют собой в некотором смысле уникальную лексическую группу, поскольку члены языкового коллектива имеют возможность присутствовать при возникновении нового имени и помнят его историю. Имен-

но поэтому прозвища наглядно демонстрируют вариативность выбора признака в процессе номинации, особенно образной: одно и то же вербальное выражение (в нашем случае — одна и та же «национальная принадлежность», закрепляемая в прозвище) может быть мотивировано разными признаками объекта. Другими словами, одинаковые прозвища (или прозвища с одной и той же мотивирующей основой) могут быть выбраны по разным причинам.

Проиллюстрируем данное утверждение на примере прозвищ, образованных от этнонимов «немцы»/«германцы». Варианты мотивационных признаков: этническая принадлежность носителя прозвища (костр. (пыщ.) *Германка*: «Германка была в Средней. Эвакуирована. Она германка, видно»; арх. (вил.) *Ваня Немец*: «Высланный он был откуда-то, немец по родителям, вот и зовут Ваня-Немец»); вероятное наличие связи с представителем данного этноса (арх. (верхнетоем.) *Германка*: «Сына незаконного родила от немцев»); биографический факт, связанный со страной преимущественного проживания этноса (арх. (верхнетоем.) *Германка*: «Германка — Шурка была на войне»), а также волог. (ник.) «Кто служил в Германии, дак Герман, Германец, а дети — Германёнок, Германёнки, Германиха»).

Опишем мотивы номинации, зафиксированные в контекстах. Ориентируясь на сформулированные информантами объяснения причин возникновения прозвища у конкретного человека, можно выделить три варианта семантических изменений, которые происходят с этнонимом в процессе его превращения в прозвищный антропоним.²⁵

Минимальный семантический сдвиг (а конкретно сужение значения со всего этноса на его конкретного представителя²⁶) демонстрируют этнонимы, закрепляющие во внутренней форме прозвища этническую принадлежность своего обладателя: арх. (котл.) «Зырянной из коми бабушку звали»; костр. (парф.) «Он чеченец был,

²⁵ Идею «шкалы», измеряющей семантическое расстояние между исходным этнонимом или топонимом и результатом семантической деривации, предлагает Е. Л. Березович применительно к апеллятивной лексике. «На одном полюсе этой шкалы будут расположены характеризующие номинации, имеющие под собой реальное основание, на другом — оценочно-нейтрализующие (т. е. факты ксенономинации)». См.: Березович Е. Л. Указ. соч. С. 410.

²⁶ А. В. Гузнова, анализирующая прозвища, образованные от этнонимов, в Арзамасских говорах, называет данный процесс трансонимизацией. См.: Гузнова А. В. Этнонимы как словообразовательная база прозвищ в Арзамасских говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1. № 2. С. 67.

так и звали Мишка Чеченец»; костр. (вохом.) «У нас вóде эстонцы жили, их выселили там, они сюда приехали, вот Лиза Эстонка тут жила, тут и умерла»; арх. (прим.) «Сашка Финн, контуженный, он финн натуральный, с Финляндии его эвакуировали»; костр. (пыщ.) «Германка была в Середней. Эвакуирована. Она германка, видно» — а также костр. (парф.) «У той мать была полячка, а дочь назвали Полька-Курица» и арх. (онеж.) «У него батько был турок, у Тольки, звали Турком». Скорее всего, именно национальная принадлежность имеется в виду и в следующем контексте: арх. (верхнетоем.) «Иван Васильевич Хохол, украинцы хохлы, а мы кацапы».

Второй вариант наделения человека отэтнонимическим прозвищем основан на механизме метонимического переноса. В этом случае поводом для возникновения прозвища становится какой-либо факт биографии человека, связанный с представителем чужого этноса или со страной преимущественного проживания данного этноса (не поднимая вопроса о направлении деривации, отметим, что перенос «страна — народ» особенно вероятен, если этноним и топоним образованы от одной основы, как, например, *Япония* и *японцы* и т. п.).

«Контакты» с представителями другого народа, память о которых закрепляется в отэтнонимических прозвищах, могут быть самыми разнообразными, отличными по длительности и интенсивности: волог. (кичмен.) «Вышла замуж за цыгана, вот и звали Катя Цыганка»; арх. (верхнетоем.) *Германка* «Сына незаконного родила от немцев»; арх. (карг.) *Еврѣва*: «Дед её взял приѣмыша еврея»; костр. (кадый.) *Ваня Грека*: «В войну грека взял в плен»; арх. (краснобор.) *Зыря (Оля-Зыря)* «Народ коми раньше называли зырянами. А он охотник, ходил далеко, к ним, к зырянам».

Отэтнонимическими прозвищами наделяются люди, приехавшие из других регионов. Обозначение человека по месту происхождения в целом очень продуктивно в прозвищной антропонимии, однако чаще реализуется с помощью топонимов и катойконимов (ср., например, арх. (верхнетоем.) *Нозяха*: «Из Нозы приехала. Это вверх по Двине напротив Верхней Тоймы», костр. (кологр.) «Жила в Москве, а потом приехала в деревню и называли Дуня-Московка» и мн. др.). Этнонимы привлекаются в случаях, когда предыдущее место жительства человека ассоциируется с конкретным народом: волог. (сок.) «Зырянка из Коми области была»; арх. (лен.) «Кроме как Зырян-

ка не называли, потому что с Яренска была, а там-то граница с Коми»; волог. (ник.) «Хохол мужа у меня все зовут. Он с Украины приехал сюда, вот и говорят — Хохол да Хохол»; костр. (солигал.) «Из Беларуси она, так Беларуской зовём; она не обижается».

Наиболее же частотный (если ориентироваться на количество прозвищных номинаций) контакт с другим государством или «чужим» народом — участие в вооруженных конфликтах и служба в армии: волог. (ник.) *Васька Японец*: «Воевал на японской войне Васька Японец — вот все японцами и стали» — и арх. (карг.) *Вася Японец*: «В японскую войну ещё воевал, сто пять лет прожил»; костр. (вохом.) «Турка — прозвище было на Филатове. Он на турецкой войне был в Крыму»; арх. (холм.) «Он служил в Америке, вот и прозвали Американом»; арх. (верхнетоем.) «Германка — Шурка была на войне»; арх. (карг.) *Китаец*: «В Китае служил» — и волог. (устькуб.) «Служил в Китае, Китаецем звали»; костр. (буй.) «Кубинка у нас была, муж на Кубе ее служил, так Кубийнец, а она Кубинка»; костр. (солигал.) «В армии служил в Чечне — и Чеченцем его звали». На приведенные контексты интересно обратить внимание с точки зрения выделительной функции прозвищ: этноним, отсылающий к самой значимой войне XX в., встречается только один раз и при этом в женском роде, поскольку для мужчин признак «участие в войне» не является дифференцирующим. Отмечен и еще один вариант контакта с другим государством в ходе военных действий: арх. (котл.) «В Финляндии в плену был» и арх. (уст.) «В Японии дед или отец в плену был».

Единичным случаем представлен мотив «учить иностранный язык» — арх. (лен.) *Никола Француз*: «Пытался французский язык выучить».

В третьей группе мотивов отэтнонимическое прозвище человек получает за сходство с представителем соответствующего этноса. Необходимо подчеркнуть, что утверждаемое сходство основано прежде всего на этнических стереотипах, имеющихся у носителей севернорусского говора, и является примером их закрепления в языковой системе.²⁷

Этнические стереотипы — «стандартные» представления, имеющиеся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о

²⁷ Причины образования определенных коннотаций у этнонимов могут быть как экстралингвистическими (историческими, политическими, религиозными и т. д.), так и внутриязыковыми. См.: Березович Е. Л. Указ. соч. С. 126.

людях, входящих в другой или собственный этнос».²⁸ Описанию этнических стереотипов в фольклорно-языковой традиции посвящено огромное количество исследований,²⁹ в том числе выполненных на материале этнических имен и прозвищ.³⁰

Прозвищный материал, собранный на северо-русской территории, с одной стороны, предоставляет дополнительные свидетельства закрепления этнических стереотипов в языковой системе, с другой — обнаруживает, какие из них оказываются актуальными для русскоязычного населения Русского Севера. Отметим признаки, находящие вербальное воплощение с помощью этнонимов.

Внешний вид. В прозвищной номинации отмечен темный цвет волос и кожи: костр. (кадый.) «Тёмненький он был, потому и Киргизом звали»; волог. (бабуш.) «В крайнем доме родился черненький мужичок, привезли крещать в церковь, поп его и назвал Китаец»; волог. (ваш.) «Он на китайца лицом похож, да и жена его тоже, ее Китайкой зовем»; костр. (солигал.) «Японец он, хоть и высокий, но худой да черный».

Как видно из приведенных контекстов, человек, обладающий отличной от других внешностью, может номинироваться с привлечением различных этнонимов, что сближает данный семантический перенос с ксенономинативом (воплощением обобщенного представления о чужом в мотивировках слов).³¹

Однако наиболее часто вербальным выражением образа темноволосого, черноглазого человека является в прозвищной антопонимии, безусловно, *цыган*: волог. (кадый.) «Он у нас черной, все зовут Цыган»; костр. (судислав.) «Вовку Цыганом раньше звали, глаза были огромные, черные»; костр. (макар.) «Черноватый он весь, вот и Цыган»; волог. (гряз.) «Цыганка — смуглая, маленькая, глаза блестящие», а также волог. (великоуст.) «Он белый, так наоборот Цыганом звали» и др.

²⁸ Крысин Л. П. Лингвистический аспект изучения этно-стереотипов (постановка проблемы) // Встречи этнических культур в зеркале языка: в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М., 2002. С. 171.

²⁹ См., напр., библиографию, приведенную О. В. Беловой: Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.

³⁰ См.: Пилипенко Г. П. Этнические, региональные и конфессиональные имена и прозвища в Латгалии // Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья. М., 2019. С. 81–119.

³¹ Е. Л. Березович считает, что «важнейшее свойство ксенонимов как элементов лексической системы состоит в том, что их этнонимическая основа подвержена варьированию». См.: Березович Е. Л. Указ. соч. С. 407.

Вследствие детально проработанного стереотипа цыгана в русском языке³² информанты в некоторых случаях, помимо собственно внешности, находят дополнительные сходства обладателя прозвища с образом цыгана: арх. (вил.) «У Цыгана-то голова черная, маленький такой, верткий, вот так и прозвали»; арх. (котл.) «Черная была — Цыганкой звали. Но она не цыганка, нет. Но робят много у ней было».

Еще одним признаком «инородности» являются глаза: арх. (кон.) «Колю Серкова Чувашом звали, он сам-то русский, а глаза маленькие».

Атрибуты. Некоторые народы могут ассоциироваться с предметами быта или деталями традиционного костюма, например, волог. (бабуш.) *Украинка*: «Колпачок какой-то на голове носила, один мужик ее и прозвал» (вероятно, в данном случае имеется в виду национальный головной убор, например, кучма — которая, однако, обычно является частью мужского костюма) или арх. (нянд.) «Дед энтот трупку изо рта не выпускал, вот и прозвали Татарином».

Особенности речи. Чужая речь непонятна людям, не знающим языка (ср. такие примеры, как *китайская грамота*), поэтому с иностранцем сравнивается человек, говорящий невнятно: олог. (кир.) «Заговорит скоро, частит, не разберешь, Китайцем прозвали, стали говорить: “Ну, пошли, ребята, в Китай”».

Характер. Многим народам приписываются определенные черты характера, соответственно, обладатели схожих черт могут надеяться отэтнотимическим прозвищем.

Евреи — хитрые, жадные, не любят физический труд и в целом не очень хорошие люди: арх. (вин.) «Он жадный был. Дед его не любил, говорил: “Вон еврей пошел”»; волог. (кичмен.) «Он худо робыл, плохо жил, дак его старики Жидом и прозвали»; арх. (вил.) «Вредные были предки у них»; арх. (вил.) «Очень хитрый был. Брат кроет шифером крышу: “Ой, не крой! Пройдет кто-нибудь — разобьет!” А сам покрыл и дом, и кухню».

Цыгане тоже хитрые (волог. (нюкс.) *Цыганяша* «Темный такой и хитрый»), а татары — злые: волог. (тот.) *Татарин*: «Отцу сказали, что он злой как татарин, про меня тоже стали так говорить, а я добрый вырос!» (ср. костр. *растатаренный* ‘жестокий, злой’³³).

³² См.: Там же. С. 131–135.

³³ ЛК ТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета).

Злость приписывается также зырянам: арх. (краснобор.) «А вот Александр Петрович злой охотник, его все зовут Оля-Зыря».

Физические способности. Данная группа представлена одним примером, который интересен тем, что демонстрирует положительную оценку «чужих»: костр. (вохом.) «В школе на физкультуре надо было с горы на лыжах проехать, никто не смог, а он проехал хорошо. Ему и говорят: “Финн!” — что, мол, хорошо на лыжах ездит, как финн. После этого так всю жизнь его и звали Финн».

Уклад жизни. В прозвищной антропонимии эта группа представлена только этнонимом «*цыгане*». Цыгане, в соответствии с закрепленными в русском языке представлениями о них, занимают вымогательством и попрошайничеством, бродяжничают, не имеют семьи³⁴ и т. д. Эти особенности находят отражение в прозвищной антропонимии: волог. (шексн.) *Цыган*: «Есть у нас мужик один, такой попрошайка, если уж пристанет, не отступишь, он про себя говорит: “Я цыган”»; арх. (лен.) «Цыган-то детдомовский парень»; костр. (буйск.) «Они оба Коли Потехины, отец и сын, они коней разводили, звали их Цыганы, не “цыгане”, а Цыганы».

В конце стоит назвать прозвища, мотивированные фонетическими ассоциациями с этнонимом: волог. (сок.) *Турка*: «От фамилии Туркины»; арх. (онеж.) «После войны появились Борман, Фриц, Ганс. У Бормана рожа была на Бормана похожа. Фрица Фёдором звали. А у Ганса имя Иван»; арх. (лен.) «У мужика Чукичев фамилия. Его все Чукчей зовут»; арх. (прим.) «Пришел маленький, говорит: “Каявашек дай” — каравашек значит. Так до старости и звали — Кайван».

Закономерности использования этнонимов в роли индивидуальных прозвищ

Приведенные индивидуальные прозвища и проанализированные номинативные модели показывают, что на формирование прозвищной антропонимии повлияли как экстралингвистические, так и внутриязыковые факторы.

С одной стороны, в прозвищной антропонимии находят отражение этническое разнообразие территории Русского Севера: фиксируются прозвища, образованные от названий народов финно-угорского происхождения, которые на протяжении длительного времени являются соседями русского населения. Отэтнонимические

прозвища маркируют людей, оказавшихся на Русском Севере в результате различных миграционных процессов («У нас вóде эстонцы жили, их выселили там, они сюда приехали»; «Германка была в Середней. Эвакуирована. Она германка, видно» и др.). Вероятнее всего, именно миграционными процессами XX в. объясняется появление в прозвищах *эстонцев, греков, белорусов, молдован, поляков*.

В прозвищной антропонимии закрепляются факты этнических контактов, чаще всего — войн. Прозвищная антропонимия отражает почти все наиболее значимые военные конфликты Российской империи, Советского Союза и России последних полутора веков: в качестве индивидуальных прозвищ фиксируются *турки, японцы, финны, немцы, чеченцы*. Русско-японская и особенно русско-турецкая войны находятся на значительном временном расстоянии от момента фиксации прозвищ — их сбор начался не ранее 1960-х гг. Количество японцев и турок может объясняться не только вероятным наличием долгожителей, но и способностью прозвищ переходить с одного человека на другого, например, от деда к внуку (ср., например, арх. (уст.) «У меня прадед когда-то служил в Риге, вот и прозвали Рижонок»; арх. (краснобор.) «У меня вот прозвище законное — от деда, Ратник. Дед-то мой был в пехотном полку в армии, да барабанщиком — вот и Ратник»).

Помимо исторических, на возникновение отэтнонимических прозвищ влияют собственно лингвистические, системные факторы, а именно коннотативная нагруженность этнонимов. Так, для обозначения темноволосого, черноглазого человека могут привлекаться различные этнонимы (*китаец, японец, киргиз* и т. д.), однако чаще всего эксплуатируется образ *цыгана*. Цыгане в целом лидируют по количеству прозвищ, с большим отрывом от других этнонимов, что соответствует разработанному этническому стереотипу цыгана в русском языке. Другие коннотативно нагруженные этнонимы (например, *евреи, китайцы, хохлы*) также частотны в прозвищной антропонимии. Интересно, что наличие ассоциативного фона у этнонима может стать решающим фактором при выборе прозвища из нескольких вариантов, ср. костр. (пыщ.) «Звали Хохлом. Приехал с Калужской области, там и Украина, и Беларусь рядом» — и особенно костр. (макар.) «Хохлушкой зовут, а по роду белоруска».

³⁴ См.: Березович Е. Л. Указ. соч. С. 131–133.

Наличие культурных коннотаций влияет также на выбор этнонима по фонетическому сходству (например, с именем или фамилией: Фёдор → Фриц).

Elizaveta O. Borisova

Candidate of Philological Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: joborisowa@yandex.ru

ETHNONYMIC NICKNAMES IN THE DIALECTS OF THE RUSSIAN NORTH

The article analyzes individual nicknames formed from ethnonyms — names of peoples and ethnic communities. It is based on the materials of the Toponymic expedition collected on the territory of the Arkhangelsk, Vologda and Kostroma regions; most of the lexical facts are introduced into scientific circulation for the first time. The region called the Russian North is multiethnic, therefore, special attention is paid to the reflection of the ethnic composition of the territory in the nickname anthroponymy. The author identifies ethnonyms used as individual nicknames (the names of the indigenous peoples of the Russian North — *chud'* (*chukhna*, *chukhar'*), *zyr'* (*zyryane*), *lop'* (*lopari*), *cheremisy*, *korela*, as well as *kayvany*; the names of the peoples mainly living in territories remote from the Russian North — Chinese, Japanese, Germans, Belarusians, Tatars, Greeks, etc.). Connotatively loaded ethnonyms — Gypsies and Jews — are considered separately. Motivational models implemented in ethnonymic nicknames are analyzed, based on the reasons given by informants for giving a person a specific nickname (ethnicity, contacts with a representative of a “foreign” ethnic group, participation in armed conflicts, character traits, etc.). The role of ethnic stereotypes in nickname anthroponymy is discussed. In conclusion, assumptions are made about the frequency of a number of anthroponyms in the nickname nomination, and the most productive models of the formation of ethnonymic nicknames are highlighted. Possible reasons for the formation of the ethnic diversity of anthroponyms are also considered (in total, more than 30 ethnonyms are used as individual nicknames).

Keywords: *anthroponymy*, *Northern Russian dialects*, *nicknames*, *ethnonym*, *ethnic stereotype*, *Russian North*

REFERENCES

- Belova O. V. *Etnokul'turnye stereotipy v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Ethnocultural Stereotypes in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik Publ., 2005. (in Russ.).
- Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik Publ., 2007. (in Russ.).
- Borisova E. O. [Semantic Microsystems in the Nickname Anthroponymy of the Russian North]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 5–15. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-3-5-15 (in Russ.).
- Bugai N. F. L. *Beriya — I. Stalini: “Soglasno Vashemu ukazaniyu...”* [L. Beria to I. Stalin: “According to Your Instructions...”]. Moscow: AIRO-XX Publ., 1995. (in Russ.).
- Guznova A. V. [Ethnonyms as a Word-Formation Base for Nicknames in Arzamas Dialects]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2013, no. 2, vol. 1, pp. 66–70. (in Russ.).
- Katorga i ssylka na Severe Rossii* [Penal Servitude and Exile in the Russian North]. Saint Petersburg; Arkhangelsk: Pomorskiy gos. un-t im. M. V. Lomonosova Publ., 2004. (in Russ.).
- Krysin L. P. [Linguistic Aspect of Studying Ethnostereotypes (Statement of the Problem)]. *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte* [Meetings of Ethnic Cultures in the Mirror of Language: In a Comparative Linguocultural Aspect]. Moscow: Nauka Publ., 2002, pp. 171–175. (in Russ.).
- Pilipenko G. P. [Ethnic, Regional and Confessional Names and Nicknames in Latgale]. *Russkiy yazyk i narodnaya traditsiya starobryadtsev zarubezh'ya* [The Russian Language and Folk Tradition of Old Believers Abroad]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2019, pp. 81–119. DOI: 10.31168/0426-8.3 (in Russ.).
- Popova E. Yu. *Etnonimiya Russkogo Severa: kand. dis.* [Ethnonymy of the Russian North: Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 1999. (in Russ.).
- Shabaev Yu. P. [“Russian North” in Ethnocultural and Ethnodemographic Dimension]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 3 (3), pp. 75–81. (in Russ.).
- Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S. [“The Russian North”: Cultural Borders and Cultural Meanings]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 2012, vol. 21, no. 4, pp. 134–153. (in Russ.).
- Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. Moscow: Nauka Publ., 1973. (in Russ.).

Для цитирования: Борисова Е. О. Этнотопонимические прозвища в говорах Русского Севера // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 34–42. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-34-42.

For citation: Borisova E. O. Ethnonymic Nicknames in the Dialects of the Russian North // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 34–42. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-34-42.